ОТЕЧЕСТВО ВЪ ОПАСНОСТИ.

ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗН. ПРОДАЖѢ 45 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 50 К.

НОВЫЙ САТИРИКОН

1
306
1917N

№ 36 ОКТЯБРЬ. 1917

МЕТАМОРФОЗА ЗНАМЕНИТАГО КОЗЛА ОТПУЩЕНІЯ.

Рис. А. Радакова.

У евреевъ козломъ отпущенія, на котораго взваливали всѣ грѣхи, былъ просто козелъ...

У черносотенцевъ козломъ отпущенія сдѣлался еврей...

Потомъ самъ черносотенецъ сдѣлался козломъ отпущенія кадета...

И, наконецъ, кадетъ сдѣлался козломъ отпущенія „сознательнаго“ большевика...

Рис. В. Л.

ЧЕРНОЕ НАСЛѢДЬЕ.

Гдѣ то сказочное средство
(Удалой смѣльчакъ добудь!),
Чтобъ проклятое наслѣдство
Съ плечъ измученныхъ стряхнуть?
Позабыть былые годы,
Цѣпи ржавыя порвать,
Въ яркомъ пламени свободы
Долю новую ковать!
Эхъ, запѣть бы, какъ на вѣткѣ
Птица вольная поетъ,
Разметать наслѣдье клѣтки,
Вѣкового рабства гнетъ!
Эхъ, запѣть бы! .. Да изъ горла
Только стоны рвутся прочь:
Какъ и прежде, распростерла
Надъ отчизной крылья ночь!
Какъ и прежде, злыя силы
Сѣютъ тлѣнъ во всѣ концы:
Вольной жизнью изъ могилы
Управляютъ мертвецы!
Воля мертвыхъ! — злыя зерна
Лѣтъ холопства безъ конца!
Скоро ль вольной жизни горна
Переплавятъ намъ сердца?
И, сломавъ устои жизни,
Испаривъ былого ядъ,
Изнывающей отчизнѣ
Гражданина подарятъ?

Василій Князевъ.

ВЪ ТОБОЛЬСКѢ.

Алиса Гессенская (за молитвой): — О, mein lieber Gott!..

Караульный: — Гляди-ка! Царица, а все-таки за Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ молится!..

— Почему?

— Ну, какже, все время твердитъ: о, Данъ, Либеръ, Гоцъ!..

МЫСЛИ О РУССКОМЪ ПАТРІОТИЗМѢ.

Фельетонъ Арк. Бухова.

Возникновенію патріотизма въ Россіи очень помогли ломбарды. Когда ихъ еще не было, великая фраза относительно заклада женъ и дѣтей была пустымъ звукомъ, потому что старо-русскіе ростовщики охотнѣе выдавали ссуду подъ всякую лошадь, чѣмъ подъ самое многочисленное и дружное семейство.

Но съ того момента, когда закладъ семействъ могъ произвестись по-настоящему, не было патріота, который бы публично не рисковалъ цѣлостью своего семейства.

— Что? Ахъ, ты, полячишка проклятый... Польша лучше Россіи?

— Лучше.

— А вотъ, какъ заложу я семью, узнаешь ты у меня...

Интересно отмѣтить, что рѣдкій изъ патріотовъ грозился закладомъ недвижимаго имущества, опасаясь какъ бы не привязались къ слову. Что же касается заклада семьи, то многіе даже пользовались этимъ какъ однимъ изъ наиболѣе легчайшихъ способовъ развода.

Заведя новую семью гдѣ-нибудь въ Псковѣ, русскій патріотъ въ Новгородѣ закладывалъ старую и на вырученныя деньги ѣхалъ предаваться излишествамъ въ Кіевъ. Это называлось удѣльно-вѣчевой системой, и за нее били.

* * *

Немного позже русскій патріотизмъ принялъ ярко боевую окраску. При устройствѣ Россіи не хватило мѣста только одному щиту Олега. Послѣ долгихъ споровъ было рѣшено, что его необходимо для уюта прибить къ вратамъ Царьграда.

Несогласнымъ отрубали головы, а потомъ рѣшили высылать. Для этого Ермакъ поѣхалъ завоевывать Сибирь, — печальная авантюра, окончившаяся русско-японской войной 1904 года.

Въ этотъ періодъ исторіи патріотизмъ отличался чрезвычайной непримиримостью. Такъ, на его официальномъ языкѣ турки назывались собаками. Въ зависимости отъ обстоятельствъ, къ этому прибавлялись точныя опредѣленія: поганые, невѣрные, кривые.

Иностранцы переносились только по частямъ. Нравились нѣмецкіе костюмы, французская рѣчь, англійскія водки, но въ цѣломъ каждый иностранецъ былъ врагомъ.

Такъ, если при дворѣ, гдѣ всегда былъ центръ патріотизма, узнавали случайно о существованіи какой-нибудь еще неизвѣстной въ Россіи страны, то прежде чѣмъ убѣдиться въ справедливости этихъ слуховъ, ей уже объявляли войну, что и дало поводъ впослѣдствіи очень много писать о славянскомъ добродушіи.

* * *

Русскій патріотизмъ всегда очень охотно изыскивалъ способы помочь угнетеннымъ. Дѣлалось это главнымъ образомъ тогда, когда нельзя было ввязаться въ войну по собственной иниціативѣ.

Только полному отсутствію въ то время учебниковъ географіи въ Россіи можно приписать счастливое обстоятельство, что мы ни разу еще не воевали за свободу Гонолулу и экономическую самостоятельность штата Виргинія.

* * *

Въ эпоху славянофильства Европа была удачно названа гнилой; къ этому прицѣпился русскій патріотизмъ и заявилъ, что лучше Россіи и русскаго ничего быть не можетъ.

Было рѣшено, что у Россіи особенная стать, что ея не измѣрить и единственно, что было позволено дѣлать по отношенію къ ней, это только — вѣрить.

Поэтому во время крымской кампаніи союзники весело и легко взяли Севастополь.

Впрочемъ, это было еще до періода настоящаго славянофильства. Потомъ нельзя было даже и вѣрить въ Россію. Можно было только ходить около царь-пушки и царь-колокола и предлагать поднять ихъ или повернуть.

— Кто царь-колоколъ подыметъ? Кто царь-пушку по-

вернетъ? Если англичане возражали на это, что лондонскій докъ тоже очень трудно поднять и не легче повернуть любой изъ парижскихъ соборовъ, на нихъ сбижались.

Иностранцы не догадались назвать докъ-царемъ-докомъ, тогда бы наши патріоты согласились.

* * *

Въ началѣ девятисотыхъ годовъ и немного позже патріотизмъ сдѣлался не влеченіемъ, или убѣжденіемъ, а профессіей.

— У меня второй сынъ въ патріотахъ служитъ, — хвастались провинціальные отцы, — харчъ свой, а жалованье отъ казны идетъ.

Казармы для патріотовъ назывались чайными, а тѣ, кто былъ болѣе изнѣженнаго нрава, жили въ газетахъ, которымъ выдавались субсидіи.

Обязанности у патріотовъ были чрезвычайно разнообразны, но легки. Иногда это были погромы, требовавшіе извѣстной сноровки и навыка, иногда простой уличной скандалъ или открытое охраненіе казенныхъ зданій.

Дѣло дошло до того, что въ камерахъ мировыхъ судей можно было слышать возмущенные голоса истцовъ:

— Что же это, господинъ мировой! Ну, что онъ меня свиньей назвалъ, — его дѣло, что онъ меня ногой ударилъ, мое дѣло, но чтобы при всѣхъ меня патріотомъ называть, когда я въ полицію по полгода не заглядываю, — это ужъ извините...

— Видите ли, патріотизмъ это собственно...

— Да мнѣ видѣть нечего. Пусть самъ посмотритъ. Ежели бы я неизвѣстно на какія средства жилъ...

И вотъ теперь наступило время, когда русскій патріотизмъ рылился въ невѣдомыя еще доселѣ формы.

— Нѣтъ, ужъ вы извините, — погибла Россія-то...

— Позвольте, но какъ же...

— Да я вамъ, какъ патріотъ, говорю. Нѣтъ Россіи.

— А по-моему, соберемся мы съ силами...

— Э, нѣтъ, батюшка, — радостно возражаетъ патріотъ, — я Россію-матушку люблю, только не подняться намъ... Что такое Россія? — азіатчина, страна рабовъ.... Не возражайте, я вамъ говорю! Изъ любви къ ней говорю! Хамы мы, скоты мы...

— Но вѣдь и вы и я...

— Молчите! Французу въ глаза стыдно смотрѣть! Англичанину стыдно! Итальянцу стыдно...

Патріотъ умолкаетъ и черезъ минуту, сладко прищуриваясь, начинаетъ мечтать:

— А вы знаете, что будетъ, если мы вотъ съ вами пріѣдемъ черезъ годъ въ Испанію?

— Что будетъ?

— Въ лицо плюнутъ. И въ Португаліи плюнутъ. На что ужъ Данія маленькая страна, всего одинъ Копенгагенъ въ ней, и все-таки плюнутъ. И разотрутъ ногой. Вотъ она вамъ, — Россія... Да-съ...

Попробуйте сейчасъ въ наши дни кинуть былой патріотическій кличъ: Россія для русскихъ... Самосудомъ дѣло кончится. Патріотъ нашихъ дней на каждомъ митингѣ отбиваетъ ладоши, когда слышитъ о бѣгствѣ полка, о плевкѣ Европы на насъ, о томъ, что съ нами не хотятъ считаться.

Вчерашній патріотъ революціонныхъ дней, — не казенный, такихъ теперь нѣтъ, а настоящій, искренній, обцѣлуетъ васъ, если вы ему скажете:

— Россія погибла. Русскимъ быть позорно. Насъ могутъ расхватать. Мы скоты, хамы, рабы.

* * *

Ахъ, и ненавижу я этихъ людей... Что бы ни случилось, не вырвется у меня этотъ подлый крикъ: стыдно быть русскимъ... Дорогіе уважаемые покойники, Григорій Ефимовичъ Распутинъ и Борисъ Владиміровичъ Штюрмеръ! Помните вы, какъ ваши подданые гордились Россіей, когда она была подъ вашимъ управленіемъ? О, тогда имъ было не стыдно называться русскимъ. И какъ должны быть довольны вы теперь, когда, выйдя изъ-подъ васъ, изъ-подъ вашихъ рукъ, мы уже стыдимся быть русскими...

Не знали вы при жизни, что столько у васъ сторонниковъ...

Арк. Буховъ.

Д А Й Т Е.

Дайте хлѣба человѣку,
Человѣкъ безъ хлѣба — волкъ,
Ну, — и хлѣбъ безъ человѣка
Небольшой, конечно, толкъ.
Дайте чаю, — онъ полезенъ,
Бодрость будитъ, гонитъ сонъ,
Утомленію любезенъ
И тоскѣ пріятенъ онъ.
Сахаръ съ чаемъ неразлученъ,
Дайте сахару, вобще!
Безъ него желудокъ скученъ,
Монпасье ему — вотще...
Дайте мяса, — въ немъ таится
И кузнецъ, и кирасиръ...:
Въ немъ, невидимо, струится
Сильной жизни элексиръ.
Дайте яицъ, масла, гречи,
Проса, полбы и пшена,
Чтобы нервность нашей рѣчи
Вдругъ была укрощена;
Чтобы жизнь, взлетая шире,
Обернулась, — намъ въ удѣлъ, —
Не картошкою въ мундирѣ, —
А богатой жатвой дѣлъ!

А. С. Гринъ

Рис. Б. Антоновскаго.

НЕПОКОЛЕБИМЫЙ.

— Идемъ въ сосѣднюю комнату — тамъ кто-то рѣчь держитъ...
— „Рѣчь“ держитъ? Ну пока онъ ее не выброситъ, ни за что не пойду..

ХАМЕЛЕОНЪ.

Рис. Ре-ми.

Запуганный обыватель (въ корниловскіе дни): — Ну-ка дай, вмѣсто него Корнилова повѣшу. А не выгоритъ у Корнилова дѣло — опять Керенскаго на старое мѣсто вернемъ!

Рис. Ге-ми.

БЫВШІЙ МИНИСТРЪ БЫВШАГО ЗЕМЛЕДѢЛІЯ.

Черновъ: — Feci quod potui... Я сдѣлалъ, что могъ. Кто можетъ — пусть-ка попробуетъ сдѣлать хуже! Не сумѣетъ.

КАКЪ УНИЧТОЖИТЬ ДУЭЛИ.

Разсказъ Арк. Аверченко.

Исторія съ Колумбовымъ яйцомъ мнѣ не особенно нравится... Подумаешь, важность: взялъ и поставилъ яйцо.

Ни тонкости, ни практичности. Только яйцо испортилъ.

Вотъ я, — другое дѣло.

Я, конечно, въ Колумбы не лѣзу, Америки открывать не собираюсь, но если дѣло пойдетъ на сравненія, то и мы коекому носъ утремъ, ха-ха!

Что по-вашему лучше, что выше, что умнѣе: поставить ли торчкомъ ничтожное яйцо или уничтожить дуэли — этотъ пережитокъ варварства и барскаго недомыслія?

Дуэли болѣе страшное зло, чѣмъ безобидное куриное яйцо, — и что же? Колумбъ уничтожилъ яйцо, я берусь уничтожить дуэли!!!

Ну-ка, кто выше, кто умнѣе?

Правители и благомыслящіе люди всего свѣта боролись съ дуэлями, какъ съ ужасной зіяющей раной на общественномъ организмѣ, — удалось имъ вылѣчить эту рану? Дудки. Они только набрасывали на нее разные смягчительные покровы — компромиссы, въ родѣ постановленій офицерскихъ судовъ, разрѣшенія дуэлей только привилегированнымъ классамъ (подумаешь, тоже привилегія!) — и прочей дребедени.

Не такой я человѣкъ, чтобы довольствоваться какимъ бы то ни было компромиссомъ... Дуэль вредна? Такъ къ чорту ее, къ дьяволу — разъ и навсегда.

Я! Я! Я придумалъ скорый и вѣрный способъ уничтожить дуэли въ любомъ населенномъ мѣстѣ.

Преимущество моего метода въ томъ, что: 1) чѣмъ населеннѣе данное мѣсто, тѣмъ удобнѣе уничтожить тамъ даже самый духъ дуэли, и 2) чѣмъ дуэльнѣе, чѣмъ драчливѣе данное мѣсто, — тѣмъ дѣйствительнѣе и вѣрнѣе мой способъ...

Я уже вижу, какъ горятъ читательскіе глаза любопытствомъ, какъ читатель перескакиваетъ съ пятой на десятую строчку, чтобы только поскорѣй узнать, что же это за удивительный способъ уничтоженія дуэлей? Потерпите, голубчикъ.

Дайте мнѣ еще немножко поговорить о дуэляхъ вообще.

Что такое дуэль? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ это такой актъ, когда человѣкъ, отбившій у васъ любимую жену, можетъ за это вамъ же пробить лобъ.

Перенесите вы эту безсмыслицу въ другую сферу: это все равно, если бы жуликъ укралъ у васъ самоваръ, а судья постановилъ бы, что онъ, жуликъ, будетъ обѣленъ только въ томъ случаѣ, если украдетъ у васъ и письменный приборъ.

Даже это еще слабый примѣръ: во второмъ случаѣ вы лишаетесь только письменнаго прибора, а въ первомъ, дуэльномъ, — жизни, этого лучшаго существованія на землѣ!

Нѣтъ, да что тамъ говорить!

Дуэль порождаетъ массу уродливостей.

Не будь дуэлей, то иной мужъ, заставъ у жены злобленнаго, просто вздулъ бы его какъ слѣдуетъ. А тутъ онъ, конечно, призадумается: «Гм! Вишь ты — жену цѣлуетъ. А вызови я его за это на дуэль, — онъ же меня еще и ухлопаетъ. Нѣтъ, ужъ лучше уйти отъ грѣха». И уйдетъ на цыпочкахъ, оставляя сзади себя разрушенный домашній очагъ.

Бываютъ, конечно, и другіе поводы для дуэлей. Вотъ простѣйшая схема: ротозѣй наступилъ вамъ на ногу; не извинился; вы кротко замѣтили: «Воспитанные люди обычно извиняются»; онъ бьетъ васъ по щекѣ; вы обижаетесь; тогда онъ заявляетъ, что готовъ дать вамъ удовлетвореніе, требуетъ указанія мѣста, времени и свидѣтелей; вы соглашаетесь; бѣгаете, высуня языкъ, по городу въ поискахъ пистолетовъ, встаете въ шесть часовъ утра, ежась отъ холода, тащитесь въ какой-то перелѣсокъ, гдѣ васъ на лужайкѣ и убиваютъ.

Нужно было столько хлопотать изъ-за такой дряни?

Что вы получаете отъ этого «аристократическаго института»?

Вамъ наступили на ногу; васъ заушили; васъ подняли ни свѣтъ, ни заря и васъ же, — не его, а васъ — убили!

Вотъ что такое дуэль, и вотъ почему Колумбово яйцо — мальчишка и щенокъ передъ моимъ нижеписаннымъ способомъ.

* * *

Случилось мнѣ прожизать въ нѣмецкомъ городѣ Гейдельбергѣ — этомъ самомъ знаменитомъ, міровомъ центрѣ дуэлей.

Дерутся тамъ по всякому поводу: зацѣпили ли вы своимъ плечомъ прохожаго, опрокинули ли чужую кружку пива или просто перетянули палкой чужого мопса — васъ тянутъ къ барьеру безо всякихъ разговоровъ.

У меня началось просто: сидѣлъ я въ погребкѣ, мирно пилъ пиво. А когда кружка кончилась, я оглянулся и, замѣтивъ стоящаго безцѣльно у притолоки скромнаго человѣчка, сразу рѣшилъ, что это кельнеръ:

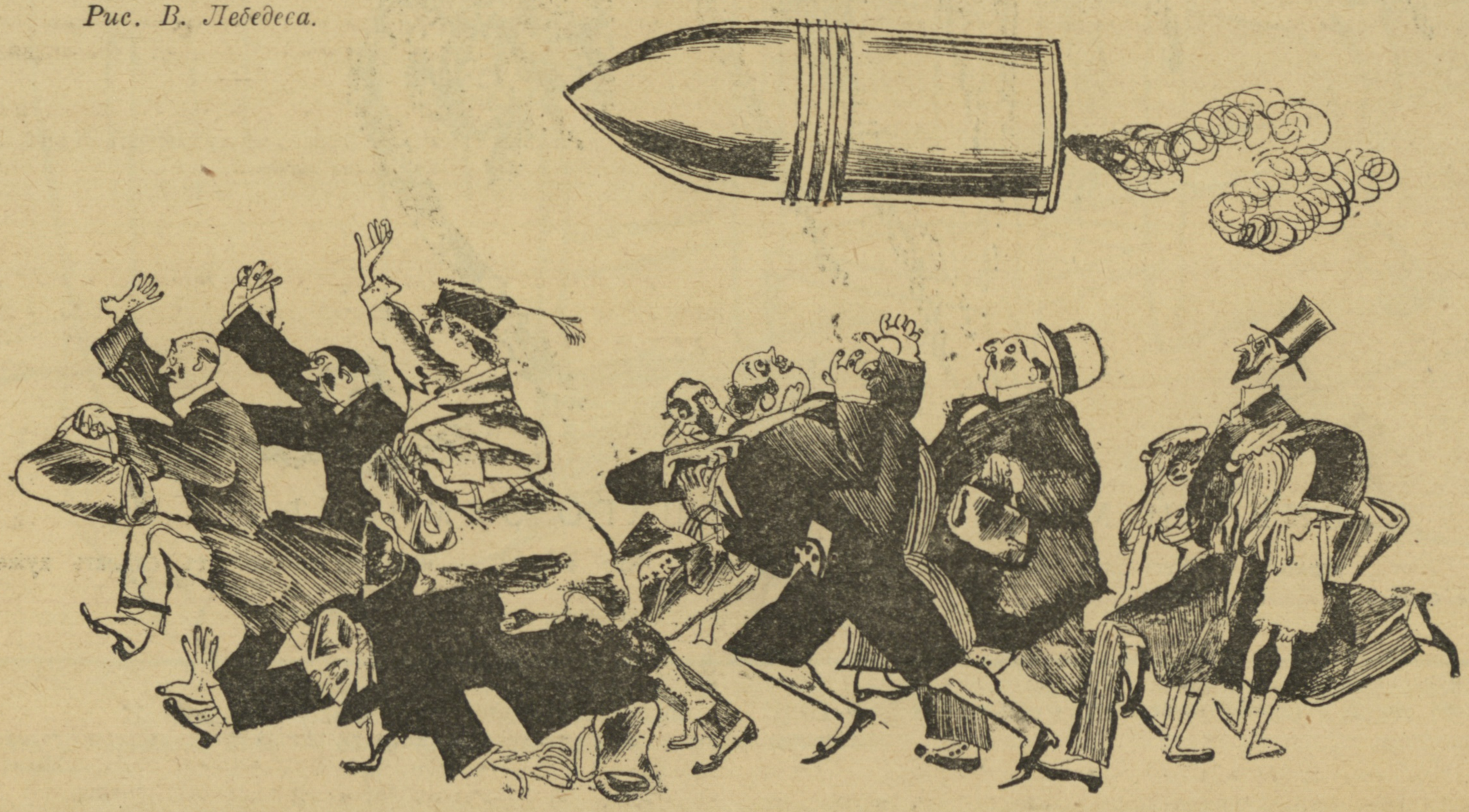
— Пссстъ! кружечку пива, герръ кельнеръ! И карточку кушаній!

Скромный человѣкъ приблизился ко мнѣ и сказалъ, вынимая маленькую карточку.

— Я не кельнеръ. Вотъ моя карточка. Я надѣюсь, вы понимаете, чего я отъ васъ ожидаю?

ДВѢ ДОРОЖНЫХЪ ВЕЩИ.

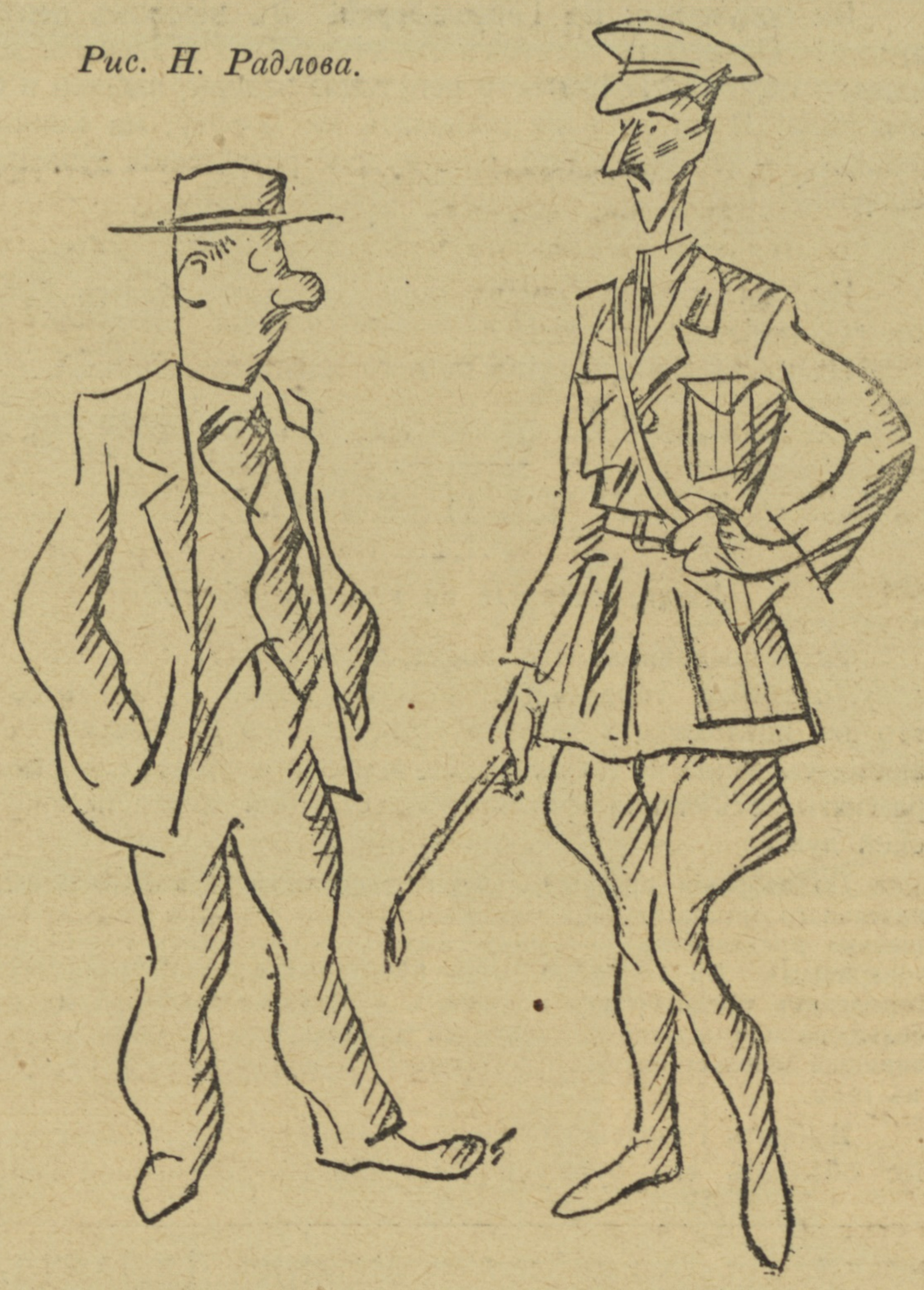
Рис. В. Лебедева.



Едва только надъ Петроградомъ почудился нѣмецкій чемоданъ, какъ петроградцы схватились за собственные саквояжи.

ШУМНО И НЕ ПИТАТЕЛЬНО.

Рис. Н. Радлова.



— Совершенно не понимаю и что это за карточка? Для карточки кушаній она слишкомъ мала; на ней указано всего одно кушанье и то не особенно важное кушанье: *Отто Августъ фонъ Шульце*. Этимъ не пообѣдаешь.

— Оскорбленіе номеръ второй, — хладнокровно зарегистрировалъ скромный человѣчекъ. — Дайте мнѣ вашу карточку.

— Да сдѣлайте одолженіе. Нате и засушите ее въ книжкѣ на память, какъ лучшее произведеніе, лучшій цвѣтокъ великаго россійскаго сада!.. Эта карточка откроетъ вамъ двери любого салона, кромѣ салоновъ для стрижки и бритья, гдѣ вы, вѣроятно, свой человѣкъ.

— Оскорбленіе номеръ третій. Издѣвательство. Мои друзья будутъ завтра у васъ.

— А я какъ разъ собирался бросить разсѣянный образъ жизни!

— Когда вашъ пріемный день?

— Двадцать девятаго февраля тысяча девятьсотъ восемнадцатаго года.

— Я васъ спрашиваю: когда вы можете принять моихъ друзей?!..

— Въ десять я принимаю ванну, въ двѣнадцать — желудочныя пилюли; въ часъ могу принять и вашихъ друзей. Могу и одновременно съ пилюлями, какъ хотите. Дирекція идетъ навстрѣчу многоуважаемымъ заказчикамъ.

* * *

На другое утро, около полудня, два тощихъ бѣлобрысыхъ нѣмца въ корпоративныхъ шапочкахъ съ ленточками, явились ко мнѣ.

— Мы къ вамъ отъ фонъ Шульце.

— А-а... Отъ этого маленькаго, съ вывороченными ноздрями? Ну-ну.

Мы помолчали.

— Укажите намъ вашихъ свидѣтелей.

— Свидѣтелей чего? — осторожно спросилъ я.

— Свидѣтелей дуэли.

— Какой?!

— Вашей съ фонъ Шульце

— Такъ вѣдь ея же не было, какъ же я могу указать свидѣтелей?!

— Но она будетъ.

— Вы думаете? — съ сомнѣніемъ спросилъ я.

— Обязательно.

— А я думаю наоборотъ.

— Это почему?

— Мнѣ не хочется.

— Но вѣдь вы его оскорбили!

— Едва ли. Впрочемъ, если онъ такъ думаетъ — Богъ съ нимъ. Пусть подаетъ въ судъ.

— Знаете, кто вы?! — раскипятился тотъ, что былъ подлиннѣе. — Вы низкій трусъ.

— Ничего подобнаго. Наоборотъ, вы высокій оселъ. А вашъ пыхтящій товарищъ такой же оселъ, но поменьше. Пошли вонъ!

— О-о-о-о, — застонали оба. — Вы намъ за это отвѣтите у барьера!! Завтра наши свидѣтели будутъ у васъ.

— Сколько угодно. Любопытно взглянуть на эти подонки населенія.

— О, Teufel!

— Самъ такой.

* * *

На другой день ихъ, этихъ нѣмцевъ, пришло четыре человѣка, по парѣ. Почти въ одно и то же время заявили:

— Вчера вы нанесли оскорбленія двумъ нашимъ товащамъ, — Штоль и Гансбрукъ. Они требуютъ удовлетворенія.

Французы говорятъ: вино откупорено — его нужно пить. Мы, русскіе, говоримъ: кто сказалъ а, нужно говорить и б. Взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ.

И я съ головой бросился въ затѣянную мною авантюру.

— Ну, чего вы шатаетесь ко мнѣ зря, безо всякаго толку. Лучше бы работали.

— Вы не смѣете такъ намъ говорить!

— А что вы за цацы такія. Дуэль вишь ты имъ понадобилась. Спустилъ бы я вамъ штанишки, да...

— О-о-о-о!.. — закудахтали они. — Вы за это отвѣтите! Завтра наши свидѣтели будутъ у васъ. Укажите мѣсто и время.

— Я имъ укажу мѣсто! — кричалъ я вслѣдъ. — Я имъ укажу такое мѣсто, что они носъ заткнутъ! Къ чертямъ въ болото я ихъ направлю!!

— А крупа у васъ въ Петроградѣ есть?

— Ну что вы — гдѣ тамъ...

— Странно. А въ газетахъ каждый день замѣтки, что на улицахъ заваривается каша...

Эти четыре оскорбленные человѣка прислали на другой день восемь человѣкъ.

Въ силу принципа пришлось оскорбить и этихъ — всѣхъ восьмерыхъ...

Одинъ долго не поддавался на словесныя обиды и все время благодушно кивалъ головой, что бы я ему ни говорилъ. Въ силу принципа пришлось со стѣсненнымъ сердцемъ оскорбить дѣйствіемъ.

Тогда только онъ обидѣлся и сказалъ, что потребуетъ меня къ барьеру и что его свидѣтели будутъ у меня завтра.

Не знаю, какіе именно были его свидѣтели, потому что всего явились шестнадцать человѣкъ, — точная геометрическая прогрессія.

Работы у меня прибавилось, но принципъ я сохранялъ въ чистотѣ: обезвреживаніе секундантовъ въ первой стадіи, не допуская ихъ до второй, самой опасной.

* * *

Черезъ недѣлю у моего подъѣзда въ пріемный часъ тѣснилась толпа народа. Въ комнатѣ они не помѣщались; я выходилъ на балконъ, оскорблялъ ихъ оптомъ и уходилъ, чтобы увидѣть на другое утро вдвое большую толпу «секундантовъ».

А черезъ три недѣли — уже никто почти не явился ко мнѣ: въ городѣ не хватило секундантовъ.

Я переоскорбилъ весь городъ.

Тщетно бѣгали нѣмцы отъ одного къ другому; только что они начинали:

— Герръ Шмидтъ, не согласитесь ли вы пойти въ качествѣ секунданта къ русскому господ...

— Какъ же я пойду секундантомъ, когда я самъ вызываю его на дуэль? Я думалъ вы ко мнѣ въ свидѣтели пойдете...

— Нѣтъ, я самъ съ нимъ собираюсь драться...

Стали ловить на вокзалѣ пріѣзжихъ. Но пріѣзжихъ было мало, и я быстро, съ точностью машины переводилъ ихъ въ разрядъ оскорбленныхъ и жаждущихъ удовлетворенія.

Послѣ этого я зажилъ спокойно.

Вотъ вамъ и Колумбово яйцо.

Вы подумайте: Въ Гейдельбергѣ! Въ міровомъ центрѣ дуэлей! Оскорбить десятокъ тысячъ самаго дуэльнаго, драчливаго народу! Пріобрѣсти репутацію задиры, забіяки и головорѣза! И ни разу не понюхать ни пороху, ни кончика рапиры, — это ли не геніально-мудрое разрѣшеніе дуэльнаго вопроса?!

* * *

Ну, посмотримъ, посмотримъ... какъ-то цѣнитъ Россія своихъ геніальныхъ людей?

На какой площади будетъ поставленъ памятникъ?..

Арк. Аверченко.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Люди, которые не красятъ мѣста.

Есть пословица, что волка ноги кормятъ. А вотъ голову, особенно городского, долженъ кормить самъ городъ; это не пословица, а гораздо серьезнѣе, но большевики, очевидно, съ этимъ не согласны. По крайней мѣрѣ „Русская Воля“ разсказываетъ такой фактъ изъ несчастной жизни петербургской думы:

По избраніи президіума дума приступаетъ къ выборамъ исполнительнаго органа въ лицѣ городского головы и его товарищей. Большевики предлагаютъ уменьшить жалованье городскому головѣ и его товарищамъ. Въ то время, какъ нѣкоторыя категоріи рабочихъ въ городскихъ предпріятіяхъ получаютъ чуть ли не 9.000 руб. въ годъ, большевики считаютъ возможнымъ для городского головы и его товарищей довольствоваться прожиточнымъ минимумомъ въ 6 тыс. рублей въ годъ.

Выбрать городского голову только для того, чтобы сейчасъ же объявить его буржуемъ и требовать половинной конфискаціи его жалованья — право же это больше походитъ на тему для маленькаго фельетона провинціальной газеты, чѣмъ на дѣйствительность.

Новая юстиція.

Очевидно мы стоимъ передъ фактомъ замѣны судовъ стараго типа судами самой неожиданной формаціи:

Въ послѣднемъ засѣданіи сената на разсмотрѣніи дѣла Сухомлиновыхъ произошелъ слѣдующій инцидентъ.

Во время судебнаго слѣдствія раздался оглушительный шумъ и звонъ разбиваемыхъ стеколъ, и изъ верхнихъ оконъ зала въ два свѣта посыпались осколки стеколъ.

Начавшееся было нѣкоторое смятеніе вскорѣ улеглось. Рѣшили, что окно разбито вѣтромъ. Одновременно съ этимъ возлѣ зданія арміи и флота, гдѣ засѣдаетъ сенатъ, произошли слѣдующія обстоятельства.

Къ зданію подошли три роты преображенцевъ и потребовали къ себѣ коменданта зданія г. Скворцова. Когда комендантъ вышелъ къ солдатамъ, они заявили ему, что дѣло Сухомлинова слишкомъ ясное и простое, а между тѣмъ судъ его безконечно затягиваетъ. Поэтому преображенцы предъявили требованіе выдать имъ немедленно ген. Сухомлинова для суда надъ нимъ въ полку, гдѣ сумѣютъ быстро разобраться въ этомъ простомъ и ясномъ дѣлѣ.

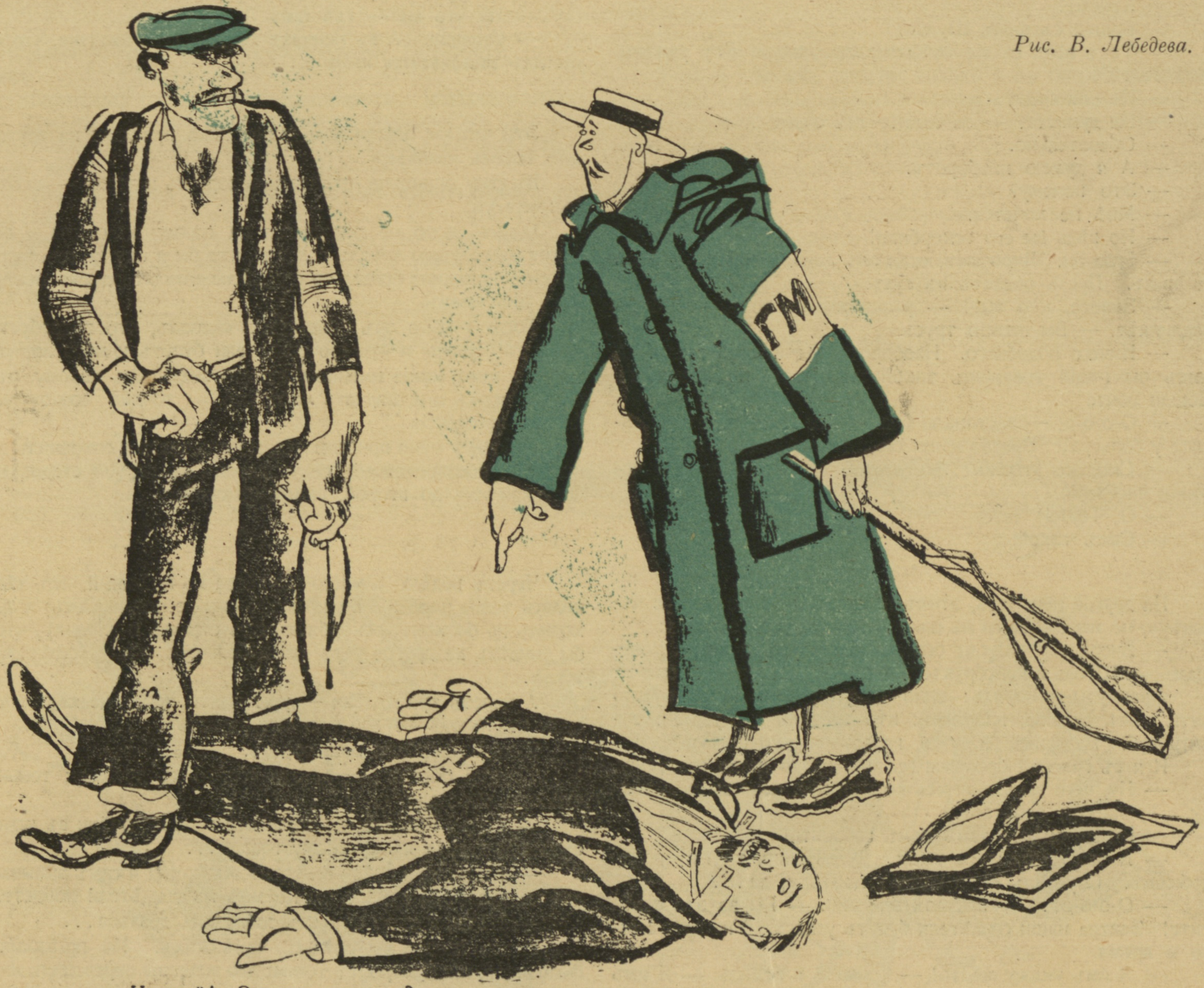
Комендантъ Скворцовъ кое-какъ убѣдилъ солдатъ, что нельзя нарушать правосудія, ибо, если дѣло затягивается, то это необходимо по условіямъ процесса.

Солдаты согласились отказаться отъ требованія, чтобы имъ выдали Сухомлинова, но зато предъявили рядъ новыхъ требованій. Они потребовали, чтобы и въ гостиницѣ при зданіи арміи и флота, гдѣ во время процесса живутъ Сухомлиновы, для нихъ былъ установленъ тюремный режимъ, чтобы имъ не давали сладкаго, чтобы обѣдъ имъ брали изъ ближайшей казармы, чтобы у нихъ отобрали имѣющіеся въ гостиницѣ матрацы и т. п.

Если эта газетная замѣтка не выдумана — становится жалко сенатъ. Неужели на его долю останутся только одни дѣла о кражѣ носовыхъ платковъ, а всѣ остальныя разберутся по казармамъ?..

ВСЯКІЙ ДѢЛАЕТЪ ЧТО И КАКЪ МОЖЕТЪ.

Рис. В. Лебедева.

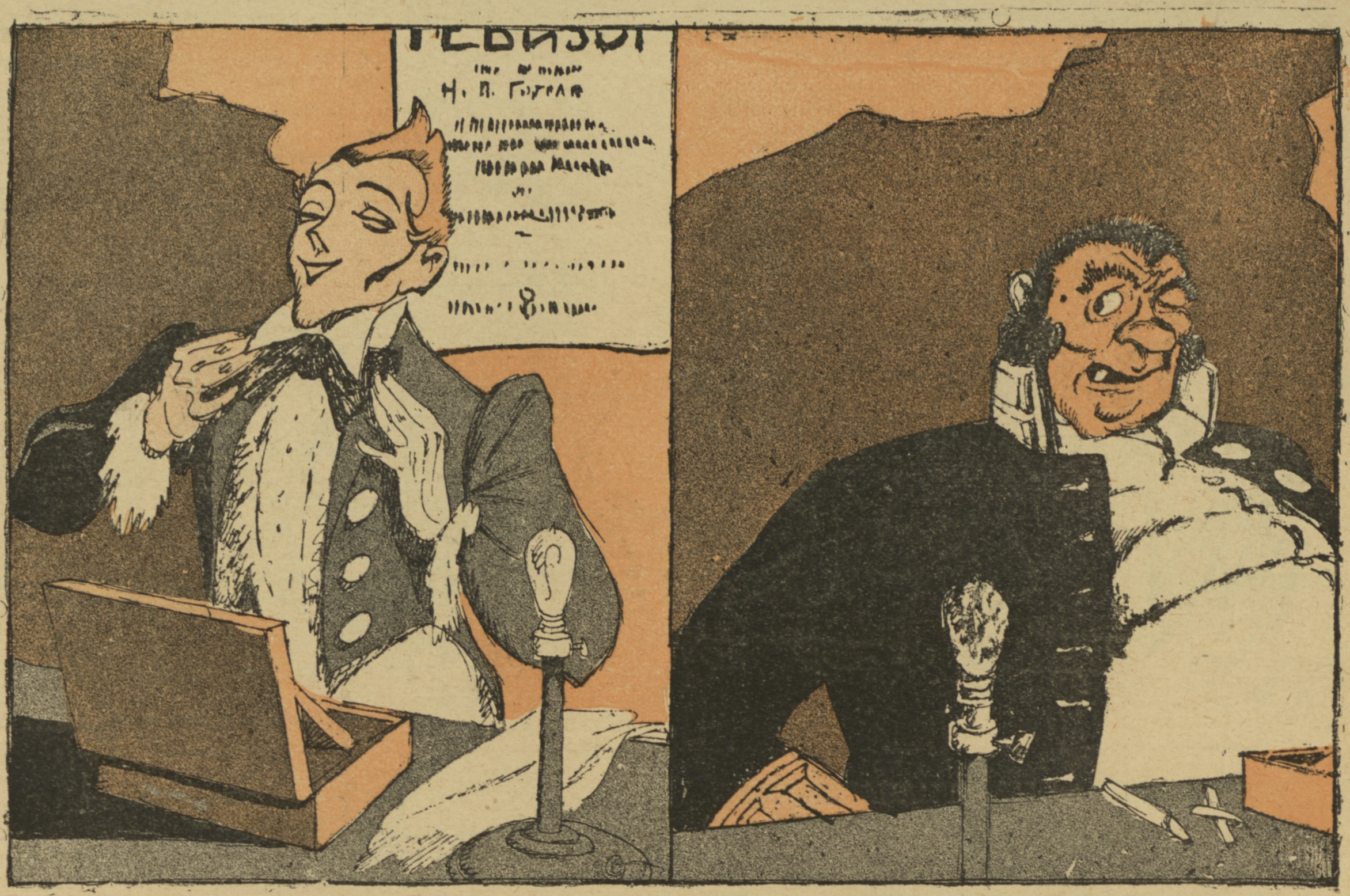


— Негодяй! Это что такое, а?
— Помилуйте-съ! Разгрузка Петрограда! Я единственно для этого-съ.

НЕОЖИДАННОСТЬ.

Въ какомъ-то городѣ шелъ „Ревизоръ“. И вотъ каждый изъ актеровъ рѣшалъ про себя

Рис. Б. Антоновскаго



— Навѣрное, публика вызоветъ меня, — говорилъ Хлестаковъ.

„Меня вызоветъ публика, — самодовольно думалъ городничій. — Все-таки я первое лицо въ пьесѣ!“

— Подпудрюсь, — шептала Анна Андреевна. — Навѣрное, меня сейчасъ вызоветъ публика.

— Васъ? Почему же именно васъ, маменька? Я думаю — меня!!

И вдругъ...

Публика единогласно, какъ одинъ человѣкъ, вызвала... городового Держиморду.

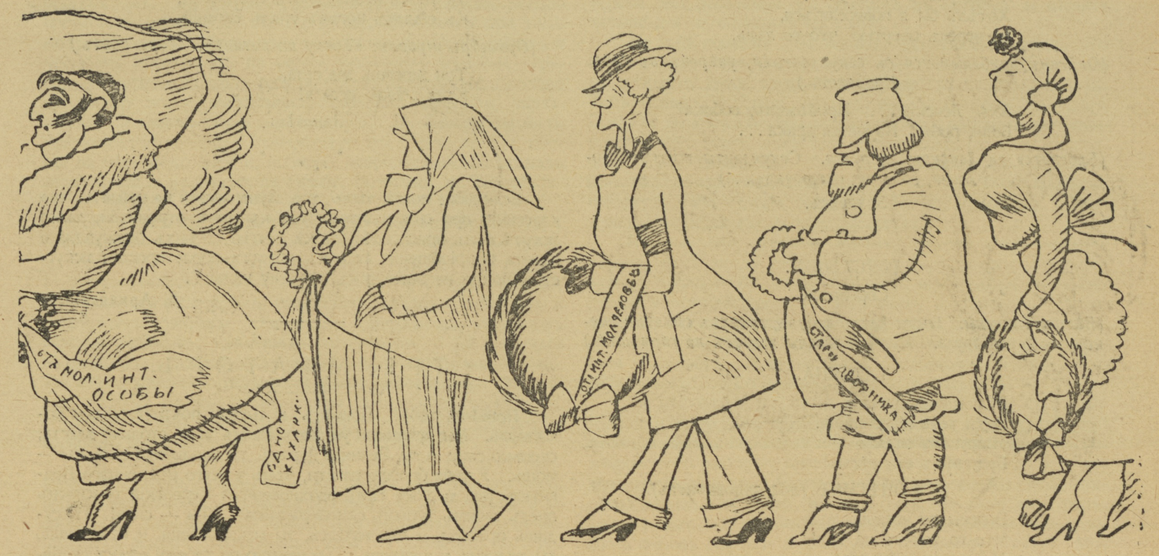
Представитель твердой власти имѣлъ наибольшій успѣхъ.

ПОХОРОНЫ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“.

Рис. Ре-ми

„Кто-то провожаетъ ее на кладбище?

„Новое Время“ было закрыто Вр. Прав. навсегда.
(Изъ газетъ.)



Нѣтъ у нея ни друзей, ни родныхъ...“

„ЕВГ. ОНѢГИНЪ“ ПО ЛУНАЧАРСКОМУ

(Паническая пародія.)

Тов. Луначарскій стоитъ за демократизацію искусства. Очень правильная мысль. Буду радостно привѣтствовать приходъ новыхъ демократическихъ писателей, которые сумѣютъ художественную литературу сдѣлать достояніемъ трудовыхъ массъ.

Но товарищъ Луначарскій обвиняетъ всю классическую литературу въ буржуазности. Испуганный за участь нашей классической литературы, особенно если ея судьба будетъ рѣшаться голосованіемъ, я предлагаю поручить мнѣ исправленіе нѣкоторыхъ изъ классическихъ произведеній, при чемъ въ доказательство прилагаю при семъ исправленнаго «Евгенія Онѣгина», въ готовомъ видѣ не только для чтенія, но и для постановки на сценѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Въ буржуазномъ семействѣ Лариныхъ.

ЛАРИНА И ТАТЬЯНА *(поетъ.)*

Соловей, соловей —
Пташечка,
Канареечка — жалобно поетъ.
Ать, два, ать, два...

ТОВ. ЛЕНСКІЙ.

Прошу прощеньица, мадамъ,
Привезъ Онѣгина я къ вамъ.

ОНѢГИНЪ.

Я ихній писарь ротный
И къ вамъ пришелъ охотно.

ЛАРИНА *(привѣтливо).*

Скоротаемъ времячко,
Погрыземъ-ка сѣмячки.

(Лузгаютъ. Музыка играетъ: «Маруся отравилась.)

ОНѢГИНЪ.

(отводитъ Татьяну въ сторону).

Вы прекрасны, словно роза,
Только разница одна:
Роза вянетъ отъ мороза —
Ваша прелесть никогда.

ТАТЬЯНА *(подтанцовывая).*

Долго въ дѣвкахъ я сидѣла,
Не пилось, не ѣлося,
Какъ миленка разглядѣла,
Замужъ захотѣлося.

ТОВ. ЛЕНСКІЙ *(интимно Лариной).*

Онъ ей понравился. Я радъ,
Старушка! Есть денатуратъ?

(Ларина извиняется.)

ОНѢГИНЪ

(ухаживая, смотритъ на луну).

Нынче звѣзды, что рублевки,
А луна, что четвертакъ.
Нынче дѣвки ходятъ въ юбкахъ,
А робята въ спинжакахъ.
Брось ломаться, приголубь,
Подарю цѣлковый-рупь.

ТАТЬЯНА *(кокетливо).*

Ахъ, не трогай мово платья,
Не зови ты на Неву.
Ахъ, оставьте вашъ характеръ:
Я съ мамашенькой живу!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Танька пишетъ.

ТАТЬЯНА *(поетъ нянькѣ):*

Нянька, ставь самоваръ,
Золотыя чашки;
Ко мнѣ миленькій придетъ
Въ вышитой рубашкѣ.

(Остается одна. Задумывается.)

Я милаго узнаю по походкѣ:
Онъ носитъ плюшевы штаны,
Шляпку носитъ онъ панаму,
Ботиночки онъ носитъ на рантахъ...

(Плачетъ.)

Напишу ему бумагу,
А сама въ могилу лягу.

Ты лети, письмо, лети,
Только хвостикомъ верти.

(Пишетъ и поетъ.)

Зачѣмъ, зачѣмъ вы посѣтили насъ
Въ глуши забытаго селенья?
Мамка любитъ ананасъ,
Я люблю варенье...
Любви никакой я не зна-а-ала,
Была я примѣрная дочь,
Пока я дружка не увидала
Въ осеннюю темную ночь.
Моя записочка разскажетъ
О томъ, что я тебя люблю:
Пускай могила меня накажетъ,
Кого люблю я — съ тѣмъ умру.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Буржуазное веселье.

(На балу у Лариныхъ. Хоръ поетъ.)

Что ты, Ленскій, не танцуешь,
Что сѣмянки не грызешь,
Понапрасно губы дуешь,
Даму въ польку не зовешь?

ТОВ. ЛЕНСКІЙ.

Ахъ, мѣста себѣ не нахожу я...,
Влюбилась Ольга въ писаря-буржуя...

ОНѢГИНЪ.

Ахъ, Ленскій, я скрывать не стану
Я обольстилъ уже Татьяну.

ТОВ. ЛЕНСКІЙ.

А Ольгу будешь обольщать?

ОНѢГИНЪ.

Ну, нѣтъ. На Ольгу наплевать!

(Ленскій бьетъ стекла.)

ХОРЪ.

Въ чемъ дѣло? Въ чемъ дѣло?
Сестра сестру задѣла.

ТОВ. ЛЕНСКІЙ.

Гдѣ Олька? Ихній кто супругъ?
Онѣгинъ больше мнѣ не другъ.

(Ольгѣ.)

Любилъ какъ я, страдалъ какъ я,
А ты забыла про меня!
Развѣ это такъ возможно —
Отъ меня подарки брать,
А потомъ неосторожно
Съ Женькой польку танцовать?
Въ вашемъ домѣ! Въ вашемъ домѣ!
Обижаютъ, какъ пса на соломѣ!

ОНѢГИНЪ.

Прошу не говорить мнѣ разныя слова!

ТОВ. ЛЕНСКІЙ.

Себя я удержу ль едва.

(Бьетъ Онѣгина сапогомъ въ животъ.)

Не удержалъ!

ЛАРИНА.

Въ семейномъ домѣ и скандалъ,
Твердила дочкамъ я сто кратъ:
Не приводите въ домъ солдатъ.

ОНѢГИНЪ.

Прощайте, дѣвки. Надоѣли,
Иду стрѣляться на дуэли.

ТОВ. ЛЕНСКІЙ.

Еще и сутокъ не пройдетъ —
Я попаду ему въ животъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Самосудъ надъ Ленскимъ.

ТОВ. ЛЕНСКІЙ *(передъ дуэлью).*

Послѣдній нынѣшній денечекъ,
Гуляю съ вами я, друзья,
А завтра въ маршевую роту
Пошлетъ Правительство меня.

Взойдетъ заутра лучъ денницы,
И заиграетъ яркій день.
Хотѣлъ бы я повеселиться,
Да передъ смертью что-то лѣнь.

(Онѣгинъ приближается съ секундантами, увѣренъ въ себѣ. Напѣваетъ.)

Ахъ, Ленскій . . . Прибѣжалъ, собака?
Вали, робя! Начнется драка . . .

(Бросается на Ленскаго. Дерутся. Секунданты поютъ: «Соловей, соловей, пташечка» . . .)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ V.

Сорвалось.

(Балъ у Татьяны. Гости ѣдятъ арбузъ, грызутъ сѣмячки, щекочутъ другъ друга. Мужъ Татьяны играетъ на гармошкѣ.)

ТАТЬЯНА.

Дѣвка перевѣнчана —
Вотъ тебѣ и женщина.
Я другому отдана —
Буду вѣкъ ему вѣрна!

ОНѢГИНЪ *(подтанцовываетъ).*

Волосы не чесаны,
Что-то тянетъ на ѣду!
Меня милка бросила,
Я другую заведу!

МУЖЪ ТАТЬЯНЫ *(публикѣ).*

Въ тоскѣ безплодныхъ сожалѣній,
Къ ейнымъ ногамъ упалъ Евгеній.

(Оркестръ играетъ: «Тоску по родинѣ». Хоръ поетъ.)

Три деревни, два села,
Куда дѣвки, туда я!

Занавѣсъ.

* * *

Если даже послѣ этого, тов. Луначарскій не найдетъ, что классики, при снисходительномъ къ нимъ отношеніи, легко могутъ быть приспособлены къ снятію съ нихъ буржуазнаго налета и пріобщенію ихъ къ области пролетарскаго искусства, прямо не знаю, ужъ что ему надо . . .

Л. Аркадскій.

ТРІУМФАТОРЪ.

Привѣтъ тебѣ! Привѣтъ и тысячу почтительныхъ поклоновъ. Мы привыкли уважать власть и не столько власть, сколько силу, а ты, Великій Дуракъ, ты подлинная сила, ты — мощь. У тебя больше власти, чѣмъ у всего Временнаго Правительства, и даже самъ вдохновенный Керенскій безсиленъ предъ твоимъ тупымъ самодержавіемъ. Ты — сила! Ты судишь правыхъ и виноватыхъ, ты наказываешь и отличаешь, ты милуешь и казнишь, — и именно по твоему адресу сказаны были вѣщія слова: «Здравствуй, великій полдень».

„ПЯТЕРКА"

(Совѣты на

Вотъ она — пятерка!

Но не нужно, чтобы она грозила намъ такъ...

Собственно говоря, ты пользовался властью во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Но въ Россіи ты всегда былъ монополистомъ. Въ другихъ странахъ твое господство носило временный характеръ; ты былъ узурпаторомъ и при томъ краткосрочнымъ. Когда твое господство начинало умнымъ и честнымъ дѣйствовать на нервы, приходилъ сильный, серьезный мужчина, стукалъ тебя по головѣ и, приложивъ колѣно къ твоему торсу, выбрасывалъ тебя изъ дворцовъ, парламентовъ и министерскихъ кабинетовъ. Въ Европѣ ты былъ краткимъ гастролеромъ, появлялся на нѣсколько недѣль, иногда на нѣсколько дней и, позорно выброшенный, почесывалъ свои ушибы и жаловался на судьбу. Старина, въ Европѣ тебѣ не повезло.

Но у насъ въ Россіи ты пустилъ крѣпкіе корни. Ты у насъ монополистъ, словно какая-нибудь пятитысячная фильма: «Цвѣтокъ зла или красная шпага», идущая монопольно въ какомъ-нибудь «Кино-Слонѣ» на Малой Гулярной улицѣ. Въ Россіи ты раздобрѣлъ, разжирѣлъ, сдѣлался франтомъ и отчаяннымъ снобомъ. Ты сталъ фаворитомъ, баловнемъ счастья, важнымъ, удачливымъ человѣкомъ. Ты поселился во дворцахъ, сдѣлался совѣтникомъ монарховъ и министровъ. Ты сталъ первымъ государственнымъ человѣкомъ. Ты писалъ законы, диктовалъ циркуляры, подписывалъ манифесты, объявлялъ войны, заключалъ мирные трактаты, казнилъ и созывалъ Думу.

Ты жилъ въ большомъ почетѣ. Передъ тобой вытягивались въ струнку особы первыхъ двухъ классовъ; ты былъ своимъ человѣкомъ и въ министерствахъ, и въ штабахъ, и во дворцахъ. Революція заставила тебя пережить не мало печальныхъ минутъ. Я понимаю тебя. Ты обжился въ Россіи, тебѣ здѣсь было тепло, уютно и, конечно, ты могъ опасаться, что революція выставитъ тебя на улицу, хорошенько при этомъ намявъ твою жирную шею, — недаромъ въ первые дни революціи ты прятался въ погребѣ и цѣлыхъ четыре дня не выходилъ на улицу.

Но тебѣ повезло. Ты, вообще, удачливое существо. Ты пользуешься такимъ счастьемъ, что твои недоброжелатели распускаютъ даже слухи о незаконности твоего рожденія. Тебѣ повезло. Черезъ четыре дня ты выползъ на улицу. Сначала ты держалъ себя очень скромно; вѣжливо протискивался черезъ толпу, деликатно приподымалъ шляпу и на каждомъ шагу извинялся. Кое-гдѣ тебѣ пришлось пережить нѣсколько непріятныхъ минутъ, а на какой-то площади, говорятъ, тебя больно прибили. Но ты скроменъ. Твой девизъ: «смиряющій себя вознесется».

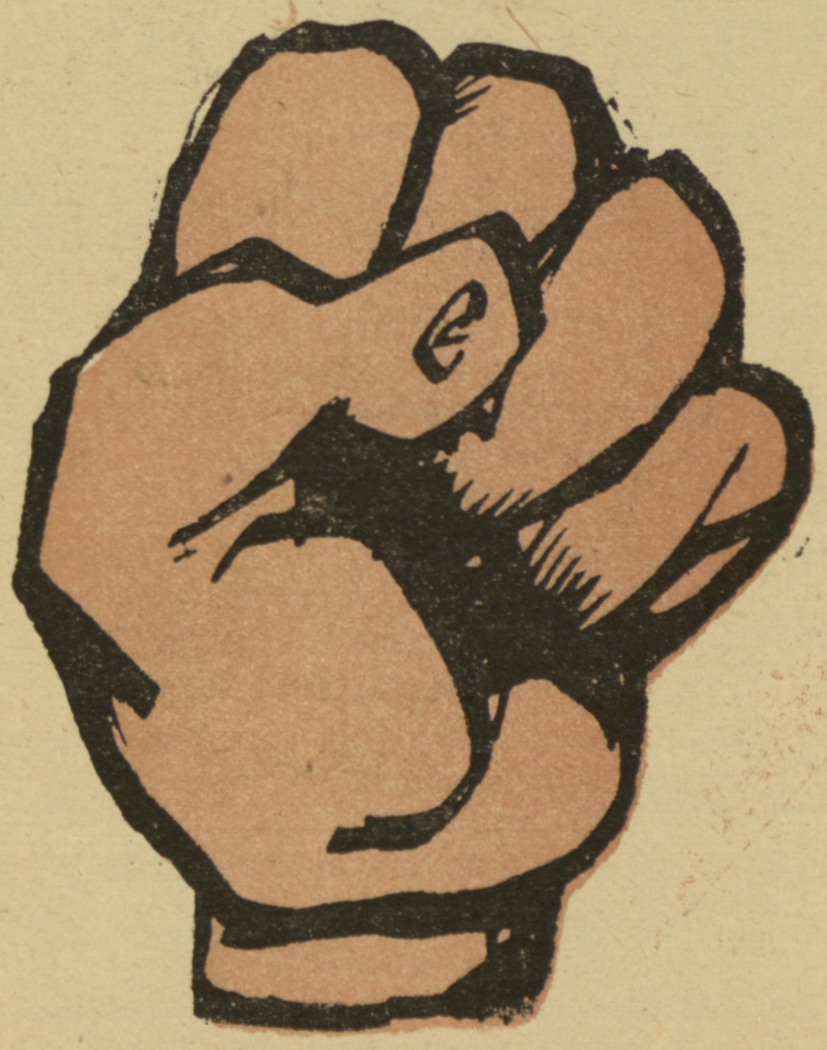
Но все-таки, дорогой Дуракъ, открой свой секретъ. Скажи, какъ могло случиться, что ты, низвергнутый революціей, казалось бы, такой немодный и ненужный, ты снова сдѣлался могущественнымъ, властнымъ и сильнымъ? Я не понимаю этого. Колдовство? Черная и бѣлая магія? Старый плутъ, ты ехидно улыбаешься и самодовольно хлопаешь себя по жилету. Можетъ быть, ты дьяволъ? Нѣтъ? Кто тебя знаетъ... Во всякомъ случаѣ, ты чародѣй.

Ты нѣсколько измѣнилъ свою внѣшность, не стрижешь волосъ и отпустилъ бороду, ты сбросилъ безукоризненный фракъ и надѣлъ скромный пиджачишко, ты выбросилъ въ водопроводную раковину ленты и ордена и насадилъ во всѣ петлицы громадные алые банты, покрывъ ими значки союза русскаго народа. Послушай, можетъ быть, ты даже не Дуракъ. можетъ быть ты величайшій мудрецъ, способный дать тридцать очковъ Платону и натянуть носъ самому Канту? Можетъ быть ты не Дуракъ, а великій хитрецъ, прикидывающій-

---

С О С Т А В И Л А С Ь.

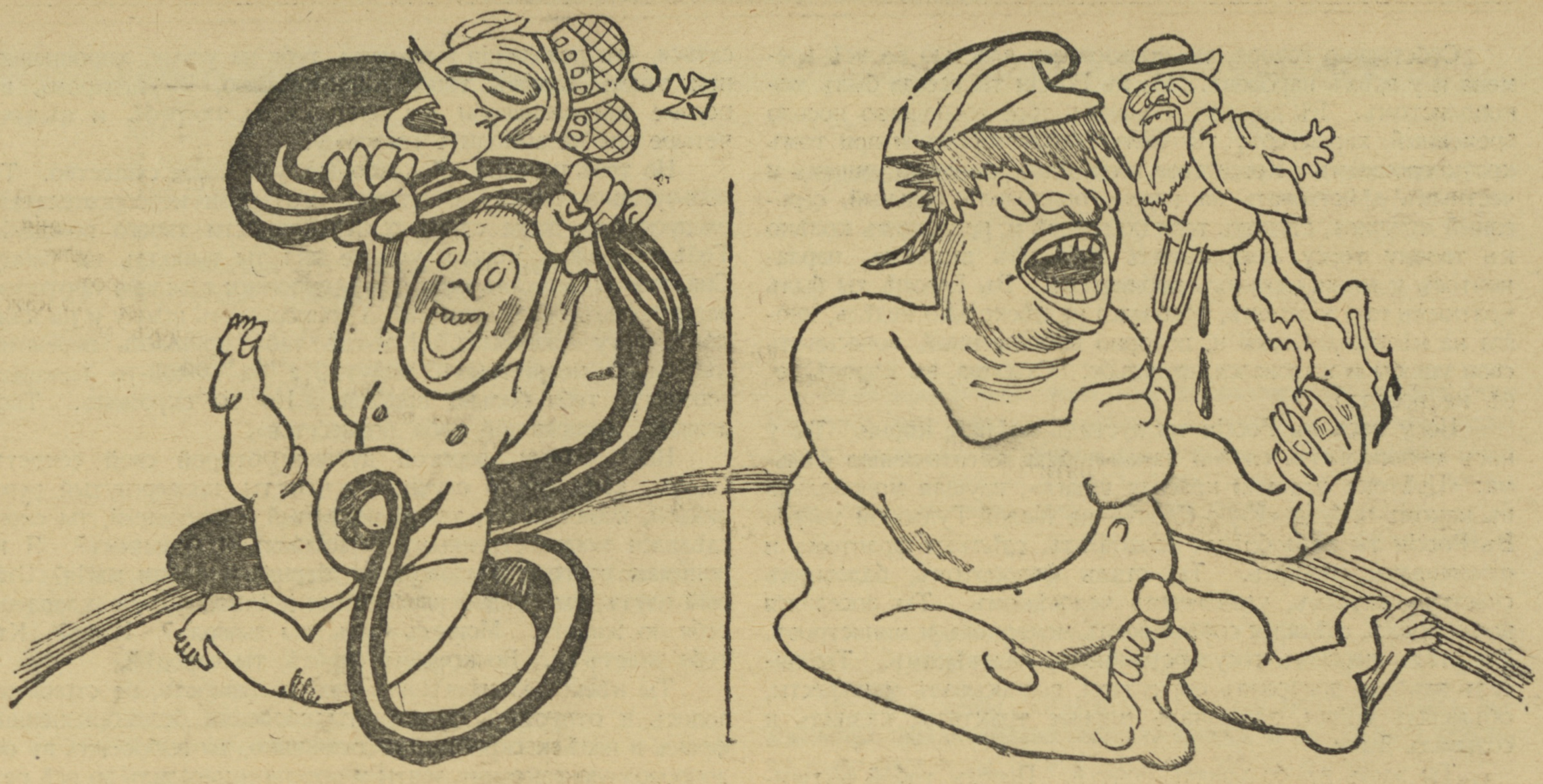
шей директоріи.)



Или слагалась вотъ этакъ...

...Ни тѣмъ паче вотъ такъ — въ знаменитую комбинацію, отъ которой всѣ обижаются.

ИЗМЕЛЬЧАНІЕ.



Въ концѣ февраля русскій Геркулесъ задушилъ гидру...

А въ концѣ сентября, когда гидра превратилась въ червячка...

— А ну-ка заморю я червячка, — сказалъ Геркулесъ и вздѣлъ на вилку интеллигента.

ся глупцомъ, адъютантъ дьявола, коммивояжеръ сатаны? Нѣтъ? Что жъ, — разъ ты отрицаешь, — у меня нѣтъ основаній тебѣ не вѣрить.

Объясни же мнѣ тайну твоего успѣха. Почему ты такъ могущественъ въ наши дни? Ты смѣешься! У тебя жирный, самодовольный смѣхъ. Великій суверенъ нашихъ дней, великій властитель, ты требуешь подчиненія, и мнѣ ничего не остается дѣлать, какъ низко снять передъ тобой шляпу. Ты царишь! Ты властвуешь! Ты вездѣсущъ и проникаешь, какъ воздухъ, въ самыя сокровенныя щели, въ самые благородные подвалы. Ты ораторствуешь на митингахъ, и праздная толпа, не понимая, что ты Великій Дуракъ, считаетъ тебя пророкомъ и апостоломъ. Ты засѣдаешь въ различныхъ комиссіяхъ, ты работаешь въ анархическихъ конспираціяхъ, ты водишь перомъ, составляющимъ резолюціи, ты пишешь въ газетахъ, получаешь крупный построчный гонораръ, а твои статьи цитируются всей прессой. Со своей точки зрѣнія ты прекрасенъ. «Все существующее разумно», — ухмыляется твоя харя. Боже мой, Боже мой, не начать ли молиться...

Когда падаетъ Рига, ты надѣваешь цилиндръ, выходишь на Невскій проспектъ и до хрипоты кричишь: «ура». Когда врагъ приближается къ столицѣ, ты созываешь какія-то комиссіи и произносишь пламенныя рѣчи. Тебѣ говорятъ объ опасности, о приближеніи непріятеля, но ты этому не вѣришь, и вмѣсто стратегіи предлагаешь учредить «Красную гвардію» для разстрѣла проклятаго буржуазіата или монархическій союзъ для возстановленія царя. Врагъ приближается, а ты предлагаешь заняться реформой универоитетскаго устава или выработать положеніе объ общинномъ землепользованіи. Великій Дуракъ, можетъ быть ты просто-напросто весельчакъ, юмористъ, сатирикъ, случайно примазавшійся къ государственному рулю, а на самомъ дѣлѣ жаждущій печатать свои веселые фельетоны? Признайся. Нѣтъ? Тѣмъ хуже для насъ...

Великій, ты правишь, ты царствуешь. Твоя рука видна на всемъ. Твой зычный голосъ раздается повсюду, — на улицахъ и на площадяхъ, въ молельняхъ и винныхъ складахъ, въ безплатныхъ столовыхъ и вокзальныхъ уборныхъ, — всюду и вездѣ, гдѣ въ эти дни ты царствуешь и повелѣваешь. Ты готовъ раздавить всякаго, кто посмѣетъ противиться тебѣ. Я не герой. При встрѣчѣ я холодно снимаю котелокъ и привѣтствую:

— Здравствуй, Великій Дуракъ!

Бор. Мирскій.

ПАРТІЙНОЕ.

300 партій, — 300 загородокъ
Для барановъ «нашего» тавра;
Въ загородкѣ каждой — околотокъ,
И отрядъ жандармовъ отъ пера.

Въ кабинетѣ, гнѣвенъ и неистовъ,
За массивнымъ письменнымъ столомъ,
Гражданинъ партійный частный приставъ
Борется съ преступностью и зломъ.

Только пикни! усомнись, попробуй!
Сковырни партійное тавро! —
Въ три секунды циркуляръ особый:
Наблюдать! А ежели — въ ребро!

У окна (начальства взоры близки),
Несуразно-длинный, словно глистъ,
Роется усердно въ грязномъ спискѣ
Гражданинъ партійный паспортистъ:

«№ 1-й. Отличался рвеньемъ,
Бывъ доволенъ кормомъ и судьбой,
Но съ іюля — подъ большимъ сомнѣньемъ;
Примѣнить словесный мордобой».

«Мериносъ подъ номеромъ четвертымъ,
Началъ думать — очень скверный знакъ!
Бредитъ волей, воздухомъ неспертымъ
И клянетъ сторожевыхъ собакъ».

За стѣной три дюжихъ фараона
(Тайное партійное бюро)
Перьями скрипятъ неугомонно,
Заушая хлестко и остро:

«Тотъ подлецъ, а этотъ провокаторъ,
А вонъ тотъ — пустая голова!»
«Предыдущій негодяй ораторъ
Ставленникъ проклятыхъ буржуа!»

«День» ведетъ свой гуртъ въ объятья бездны;
Берегись, почтеннѣйшій баранъ!
Только наши ножницы полезны
Блеющимъ на языкахъ всѣхъ странъ!!»

300 партій — 300 загородокъ
Для барановъ «нашего» тавра;
Въ загородкѣ каждой околотокъ
И отрядъ жандармовъ отъ пера!

Василій Князевъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятыя рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на вопросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, менѣе печатнаго листа, уничтожаются.)

А. Петроградъ.

А. Бут—кину. — Восклицаетъ экзальтированный Бут—кинъ:

„Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда все свѣжести полно, и т. д.“.

И мы тоже любимъ упомянутую вами грозу именно въ указанное вами время года.

Но мы только не любимъ одного — когда воруютъ у другого писателя первую строчку.

Въ виду этого всѣ отношенія между вами и нами пріостанавливаются до начала мая 1927 г.

Карлику съ Б..ссейной. — Антиклерикализмъ этого юнаго атеиста съ Бассейной выливается въ довольно странныя формы:

„Вотъ собралася толпа,
Что тамъ за веселье?
Переѣхало (?) попа —
Вотъ-те новоселье“.

Дѣйствительно, вотъ-те и новоселье.

Порвешь бумажку съ такой поэмой, ощущеніе: будто клопа раздавилъ.

А. С. С. (Aleco) — Стиль точеный. Червями:

„Глядя въ темное окно, было такъ страшно, что всѣ звуки битвы наполняли своими аккордами жуткихъ звуковъ молчаливыя стѣны улицы“.

Впечатлѣніе такое, что всунулъ кто-то вашу голову въ куль съ паклей, и бормочете вы тамъ, что-то невѣроятное, безсмысленное.

Б. Сте—ку. — „...Но Ганька забылъ закрыть парадныхъ дверей на ключъ“.

Паршивецъ, вашъ Ганька! Боленъ онъ былъ, что ли? Закрыть не парадныхъ дверей, а парадныя двери!

Дайте ему съ вашей рукой хорошій подзатыльникъ.

Разсказъ нечаянно порвался.

Ave.

Редакторы: { **Арк. Буховъ.** **А. Т. Аверченко.**
Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.
Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

КОРНИЛОВЪ ВЪ ЗАТОЧЕНІИ
или
КОСТЮМЪ ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮШАГО ВРЕМЕНЪ ДИРЕКТОРІИ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
5-й годъ изданія. на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА 5-й годъ изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ПЯТЬ ЦѢННЫХЪ ПРЕМІЙ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ 1-го Октября по 1-е Января 1918 года по 2 рубля за каждый мѣсяцъ. Подписка на журналъ до Октября по 1 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ.

ЦѢНА за объявленія — нонпарель 1 строка 1 руб.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Дешевая юмористическая библіотека „Новаго Сатирикона“.

№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 11, 12 — Аркадій Аверченко.
№ 13 — Тэффи.
№ 14 — Г. Ландау.
№ 15 — Аркадій Аверченко.
№ 16 — О. Л. Д'Оръ.

Спеціальные выпуски Дешевой библіотеки.

Аркадій Аверченко.
О нѣмцахъ и о прочемъ... такомъ.
Пять чемодановъ.
Записки театральной крысы.
Человѣки.
Позолоченныя пилюли.

Тэффи.
Зарево жизни.
Житье-бытье.

О. Л. Д'Оръ.
Проклятіе начавшимъ.

Аркадій Буховъ.
Точка зрѣнія.

Вл. Азовъ.
Шипы безъ розъ.

Цѣна каждаго выпуска — 20 коп. Книготорговцамъ — скидка обычная.

Типо-литографія Акц. О-ва „Просвѣщеніе“. Петроградъ, Забалканскій пр., д. 75.

Рис. А. Радакова.

НА ВСЕ СОГЛАСНЫЙ СЕЛИФАНЪ.

— Объявляю тебѣ, что ты вѣрноподданный.
Селифанъ — Слушаю-съ, какъ прикажете.

— Объявляю тебѣ, что ты республиканецъ.
Селифанъ: — Слушаю-съ, какъ прикажете.

СХ-1900